

Тала

для

Оболениской

18+

M.A.R.I

Палач для Оболенской

«Автор»

2026

M.A.R.I

Палач для Оболенской / M.A.R.I — «Автор», 2026

После внезапного исчезновения Владислава Алина Оболенская оказывается на грани: страх за брата, чувство вины и одиночество подталкивают её к краю. В попытке хоть ненадолго заглушить тревогу подруга тянет её в клуб «Оникс» — место, где правит не музыка, а сила. Там Оболенская сталкивается с Филиппом — хозяином клуба, человеком, чьё спокойствие холоднее любого крика. Между ними возникает напряжённая, болезненная связь: он привык всё контролировать, она — всё чувствовать и прятать. В его присутствии Алина одновременно замирает от страха и ловит себя на мысли, что именно эта стальная уверенность могла бы защитить её и Влада. Это история о том, как в моменты самой сильной уязвимости человек тянется не к мягкому свету, а к твёрдой опоре, даже если эта опора ранит. О выборе между безопасностью и отчаянной надеждой. И о том, какую цену приходится платить за чувство, которое рождается на стыке страха и притяжения.

© M.A.R.I, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Разлом"	5
Глава 2 "Разреши себе жить"	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

М.А.Р.І

Палач для Оболенской

Глава 1 "Разлом"

Дождь не просто лил — он бил по асфальту, как очередь из автомата. Владислав застегнул кофту до самого подбородка, бросил последний взгляд на тёмное окно их квартиры — будто надеялся, что Алина не подойдёт, не прижмётся к стеклу, не сделает ему ещё больнее. Но она не появилась. И от этого было ещё хуже.

Он уже шагнул к лестнице, когда дверь соседней квартиры резко распахнулась. Из щели высунулся сосед, дядя Витя, в растянутом свитере, с сигаретой в зубах:

— Эй, парень, ты куда в такую погоду? Влад замер. В груди всё сжалось. Дядя Витя был хорошим человеком, но слишком любопытным. А сейчас любое лишнее слово могло стоить слишком дорого.

— Да вот к другу. На ночь. Завтра вернусь.

Сосед прищурился, будто чувствовал фальшь, как запах гари.

— А чего с сумкой?

— Вещи кое-какие для рыбалки.

Дядя Витя хмыкнул, но не стал давить. Только кивнул на подъездную дверь:

— Смотри, не простынь. Погода — жуть.

Как только дверь за ним щёлкнула, парень рванул вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. В кармане вибрировал телефон — опять тот самый номер, от которого он уже три раза сбрасывал. Он не смотрел на экран. Не мог. Если посмотрит — сорвётся.

На улице ветер швырнул в лицо горсть ледяных капель. Машина стояла у бордюра, мокрая, будто её только что вытащили из реки. Влад дёрнул ручку, запрыгнул внутрь, тут же захлопнул дверь, отрезая шум ливня.

Ключ в замке зажигания дрожал в его пальцах. Мотор чихнул, прокашлялся и наконец ожил. Артём вдавил сцепление, резко выкрутил руль, выворачивая со двора так, будто за ним уже гнались.

И, возможно, гнались.

Он не успел выехать на проспект, как в зеркале заднего вида вспыхнули яркие фары — крупный внедорожник, слишком тяжёлый для этой узкой улицы, нёсся следом, не включая поворотников, не соблюдая дистанцию.

Сердце Оболенского рухнуло вниз. Он знал эту машину. Видел её у подъезда два дня назад, когда выносил мусор. Тогда он подумал, что это совпадение. Сейчас совпадений не осталось.

— Чёрт — выдохнул он, вдавливая педаль газа.

Машина рванула вперёд, шины взвизгнули на мокром асфальте. Оболенский петлял по дворам, срезал через арки, вылетал на параллельные улицы, но внедорожник не отставал. Его фары слепили, как прожекторы, выхватывая из темноты только мокрый асфальт, лужи, серые стены домов.

На перекрёстке загорелся красный. Влад не остановился. Пролетел на запрещающий, едва не зацепив бок легковушки, которая возмущённо взывала клаксоном. В зеркале мелькнуло, как внедорожник тоже проскочил на красный, не сбавляя скорости.

«Они не будут стрелять посреди города, — твердил себе Влад, хотя голос внутри шептал: А вдруг сегодня им всё равно?»

Он свернул на узкую улицу, где между домами едва протискивалась одна машина. Здесь фонари не горели — только редкие жёлтые пятна света из окон. Внедорожник за ним замедлился, но не остановился. Владислав видел, как из окна высунулась рука, как блеснуло что-то металлическое.

Он резко крутанул руль, уходя в резкий поворот, и в этот момент услышал глухой удар — внедорожник всё-таки зацепил задний бампер его седана, толкнул, подбросил на выбоине. Машину повело, парень вцепился в руль, выравнивая траекторию.

Телефон в кармане снова завибрировал. На этот раз он не выдержал, выхватил его на секунду, пока мчался по тёмной улице. На экране горело: «Входящий — Сергей Петрович». Тот самый «друг», который обещал помочь. Влад нажал «принять», прижимая телефон плечом к уху, не отрывая глаз от дороги.

— Я еду, — выдохнул он. — Они за мной. Прямо сейчас.

— Где ты? — голос Сергея Петровича звучал спокойно, слишком спокойно для того, что творилось вокруг.

— На Заводской, сворачиваю на Лесную.

— Не туда. Там тупик. Уходи на объездную, я скину координаты. И не останавливайся.

Экран телефона мигнул, пришло сообщение с точкой на карте. Парень мельком глянул, тут же снова уставился на дорогу. Впереди мелькнул просвет — выезд на широкую трассу, где можно было разогнаться, оторваться.

Но когда он вылетел на обочину, собираясь влиться в поток, из темноты прямо перед капотом метнулась фигура в тёмной куртке. Человек замахал руками, будто пытался его остановить.

Влад ударил по тормозам. Машина завизжала шинами, пошла юзом по мокрому асфальту. В этот момент сзади раздался тяжёлый удар — внедорожник не успел среагировать и впечатался в багажник.

Мир на секунду замер. Потом он услышал, как щёлкают замки дверей, как хлопают дверцы внедорожника. Голоса, резкие, чужие, приказывали:

— Выходи! Руки на капот!

Он замер, глядя перед собой. В голове билась только одна мысль: «Алина. Если меня заберут сейчас, она останется одна. Без защиты. Без всего».

Резко крутанув руль, Влад рванул вперёд, прямо через узкий просвет между отбойником и фонарным столбом. Машина скрежетнула металлом, но пролезла. Он снова вылетел на трассу, влился в поток, растворяясь среди сотен других огней.

За спиной остались крики, свет фар, опасность. А впереди была только тёмная лента дороги и обещание, которое он дал сестре: «Я вернусь».

Теперь он должен был выжить, чтобы сдержать слово.

* * *

Алина стояла посреди прихожей, и тишина давила сильнее, чем любой крик. Хлопнула дверь — и будто выключила звук во всём мире. Только дождь за окном продолжал стучать, равнодушный, бесконечный, как метроном, отсчитывающий секунды, в которые её жизнь успела развалиться.

Она не сразу поняла, что произошло. Сначала подумала: «Сейчас вернётся. Забыл ключи. Или телефон. Или просто не смог уйти». Она даже шагнула к двери, чтобы распахнуть её навстречу, сказать: «Стой, давай поговорим ещё пять минут, я всё пойму». Но минуты шли. Пять, десять, двадцать. Влад не возвращался.

Конверт на тумбочке выглядел как улика. Белый, аккуратный, будто специально подобранный, чтобы не бросаться в глаза. Алина не хотела его брать. Если возьмёшь — значит, признаёшь: он действительно уехал. Но пальцы сами потянулись, схватили, смяли уголок. Внутри — деньги, листок с адресом и номером. Всё по делу. Всё, чтобы она не мешала.

— «Не мешала», — прошептала Оболенская, и слово обожгло, как соль на царапине. В голове крутились обрывки их последнего разговора.

«Я должен уехать. Это ненадолго».

«А ты не можешь подождать до утра? Мы хотя бы поедим нормально»

«Прости, Алин. Времени нет».

Тогда она подумала, что он просто нервничает. Что это обычная суета перед дорогой. Что утром они выпьют кофе, он улыбнётся и скажет: «Ну вот, видишь, всё не так страшно».

А он взял и ушёл. Молча. Пока она сидела на кухне, смотрела в чашку с остывшим чаем и думала, что у него просто тяжёлый день.

Алина прошла по квартире, будто проверяя, не спрятался ли он где-то в тени. В его комнате пахло его курткой, старым парфюмом, той самой жизнью, которая теперь казалась чужой. На столе лежал блокнот, раскрытый на странице с заметками: «автобус 6:40», «не забыть зарядку», «позвонить Сергею». И ниже, мелким почерком, почти стёртым: «если не получится — Алинка в деревне».

— Не получится, — повторила она, пробуя фразу на вкус. И вдруг поняла: Владислав не верил, что у него получится. Он уходил не «на время». Он уходил, чтобы не втягивать её в то, во что сам вляпался.

И от этого стало ещё больнее. Не от предательства — от того, что он решил всё за неё. Решил, что лучше она будет сидеть тут одна, в пустой квартире, чем поедет с ним и увидит, как он ломается.

За окном мелькнули фары. Алина метнулась к окну, прижалась лбом к холодному стеклу, всматриваясь в темноту. Сердце подпрыгнуло: «Вернулся! Одумался!» Но машина проехала мимо, свернула за угол, растворилась в дожде.

Она села прямо на пол в коридоре, там, где ещё пахло его кроссовками, и обняла колени. Хотелось плакать, но слёзы будто застыли где-то внутри, не могли пробиться наружу. Вместо этого пришла злость — острая, колючая, она помогала дышать.

«Он не имеет права так делать, — стучало в висках. — Не имеет права решать за меня. Я не ребёнок. Я могу помочь. Или хотя бы быть рядом, когда ему плохо» Девушка сжала в руке конверт. Потом резко встала, схватила куртку с вешалки, натянула её прямо поверх домашней футболки. Пальцы дрожали, застёгивались с трудом.

На столе мигнул экран телефона — сообщение от подруги: «Ты где? Я тебе звонила» Она не ответила. Сейчас не до разговоров. Сейчас нужно было сделать что-то, а не сидеть и ждать, пока жизнь сама расставит всё по местам.

Она посмотрела на листок с адресом. Город, улица, дом. Ничего особенного. Просто набор слов, за которыми скрывалась новая жизнь Влада — без неё.

— Ну уж нет, — прошептала Алина, пряча листок в карман. — Ты не можешь просто взять и исчезнуть.

Дождь хлестал по лицу, когда она выбежала из подъезда. Вода стекала по волосам, затекала за воротник, но Оболенская младшая почти не чувствовала холода. Она шла вдоль дороги, высматривая такси, прислушиваясь к каждому шуму, будто надеялась услышать знакомый голос, который окликнет её: «Алин, стой! Куда ты?»

Но никто не окликал. Город жил своей жизнью: машины неслись по лужам, разбрасывая брызги, фонари отражались в воде, превращая улицы в размытые картины. А она была здесь чужой. Или, наоборот, слишком настоящей — единственной, кто не хотел принимать правила этой новой реальности.

Телефон завибрировал. На экране — пропущенный от Влада. Один. Короткий. Как будто он всё-таки не выдержал и нажал «вызов», но тут же сбросил, поняв, что сказать нечего.

Алина остановилась под козырьком магазина, где дождь не бил прямо в лицо, и набрала его номер. Гудки тянулись бесконечно, а потом переключились на автоответчик.

— это я, — голос дрогнул, но она заставила себя говорить твёрдо. — Ты не можешь вот так просто уехать и ничего мне не сказать. Если ты слышишь это сообщение знай: я не собираюсь сидеть и ждать. Я найду тебя. Даже если ты не хочешь, чтобы я тебя нашла.

Она нажала «отбой», сунула телефон обратно в карман и подняла голову. Впереди, сквозь пелену дождя, виднелся светящийся знак такси. Она сделала шаг вперёд, и тут же дождь хлестнул по лицу, заставил зажмуриться. Ещё шаг — и она окажется у двери такси, скажет водителю адрес, и всё: точка невозврата. Машина тронется, город начнёт мелькать за окном, и она поедет туда, где её никто не ждёт. Туда, где, возможно, её брат сейчас прячется, оглядывается через плечо и молится, чтобы она осталась в безопасности.

И именно эта мысль вдруг пригвоздила её к месту.

«Он не хотел, чтобы я ехала с ним. Он специально ушёл, пока я не видела, чтобы я не увязалась следом. Он думал, что так защитит меня».

Девушка прислонилась спиной к холодной стене магазина. Пальцы, сжимавшие листок, побелели. Она развернула его, посмотрела на строчки: город, улица, дом. Буквы расплывались от капель воды, стекавших с волос.

— Глупо, — прошептала она, скорее себе, чем кому-то ещё. — Я даже не знаю, добрался ли он туда. Может, он вообще не туда ехал. Может, этот адрес — просто первая попавшаяся точка, чтобы мне было спокойнее.

Ветер швырнул в лицо ещё одну порцию дождя, и Алина плотнее закуталась в куртку. Внутри всё ещё кипела злость: «Как он мог так поступить? Как мог решить всё за меня?» Но злость теперь смешивалась со страхом — холодным, липким, тем самым, который приходит, когда понимаешь, что ты одна и не знаешь, что делать дальше.

Она достала телефон. На экране всё ещё висело то самое пропущенное от Влада. Один короткий звонок — и сразу сброс. Будто он поднял трубку, услышал, как она берёт, и не смог выговорить ни слова. Или боялся, что если услышит её голос, то развернёт машину и поедет обратно, прямо в лапы тем, от кого бежал.

Алина набрала его номер. Снова длинные гудки, снова автоответчик.

— Владик, это я, — сказала она в пустоту, и голос прозвучал неожиданно тихо, будто она боялась, что кто-то чужой подслушает. — Ты не можешь просто взять и уехать, ничего не сказав. Я стою тут, под дождём, и не знаю, куда идти. Если ты слышишь пожалуйста, просто ответь. Хоть эсэмэску скинь. Хоть смайлик. Что угодно.

Нажала «отбой», спрятала телефон, будто он вдруг стал слишком тяжёлым.

Рядом хлопнула дверь магазина, вышла женщина с пакетом, накинув на голову капюшон. Прошла мимо, не глядя, скользнула взглядом по девушке, как по чему-то привычному — ещё один человек, прячущийся от дождя. В витрине отразилась Оболенская: мокрая, сжавшаяся, с тёмными прядями, прилипшими ко лбу. Чужая даже самой себе.

«А если я поеду, — подумала она вдруг, — и найду его что дальше? Он обрадуется? Или разозлится, что я всё испортила? Что теперь и мне придётся прятаться, оглядываться на каждый шорох, бояться каждого звонка?»

В животе неприятно сжалось. Она вспомнила, как вчера Влад вздрагивал от звука уведомления, как прятал экран телефона, если она подходила ближе. Вспомнила тот конверт на тумбочке — как будто он заранее готовился к тому, что придётся бежать. И поняла: он не просто «попал в неприятности». Он по-настоящему боялся. А значит, там, куда он ехал, было опасно. Не для него одного — для них обоих.

Такси мигнуло поворотником, собираясь уезжать. Водитель посмотрел на неё.

- Ну, садись или нет? Ты здесь не одна! Он будто выругался.

Она покачала головой, сама не зная, кому именно говорит «нет» — водителю, брату, своей злости или этому дождю, который пытался смыть её сомнения.

Машина тронулась, растворилась в серой пелене, и Алина осталась стоять под козырьком, чувствуя, как холод пробирается под куртку, как дрожат пальцы, как тишина вокруг становится всё гуще.

Она не поедет. Не сегодня. Не так.

Вместо этого она вернётся в квартиру, закроет дверь на оба замка, сядет на пол там, где ещё пахнет братом, и будет смотреть на этот мокрый листок, пока буквы не перестанут расплываться. А потом потом она придумает другой план. Такой, где она не бежит за ним, как потерявшийся щенок, а помогает по-взрослому. Где она не станет обузой, а станет опорой.

Алина повернулась и пошла обратно к подъезду. Дождь всё так же хлестал по асфальту, но теперь она почти не замечала его. В голове уже складывались первые шаги: проверить его почту, посмотреть историю браузера, найти хоть какуюто зацепку, которая объяснит, от кого он бежал и почему решил, что ей там не место.

Дверь подъезда хлопнула за ней, отрезая улицу, дождь, такси и весь этот чужой, враждебный город. Внутри пахло старой краской и домом — пусть пустым, но своим.

Оболенская сняла мокрую куртку, повесила её на крючок, где рядом всё ещё висела куртка Влада, и остановилась, глядя на неё. Потом достала из кармана листок, разгладила его на столе, достала ручку и начала записывать всё, что могла вспомнить: номера, имена, обрывки фраз, которые раньше казались ей ерундой.

Телефон снова завибрировал. Девушка схватила его, сердце подпрыгнуло. Но это был не Влад — подруга писала: «Ты где? Я волнуюсь».

Алина напечатала, стараясь, чтобы буквы не прыгали: «Дома. Всё нормально. Просто дождь сильный».

Отправила. И, впервые за вечер, почувствовала, что сказала хоть какуюто правду.

Глава 2 "Разреши себе жить"

Алина вернулась в квартиру, и тишина накрыла её, как тяжёлое одеяло — душное, неудобное, но единственное, что сейчас было под рукой. Она не стала включать яркий свет: только тусклый ночник в коридоре, от которого по стенам ползли длинные тени. В этой полутьме всё казалось не таким окончательным. Будто если не смотреть прямо на пустую комнату Влада, можно убедить себя, что он просто вышел за хлебом и вот-вот вернётся. Она села на диван, подтянув колени к груди, и уставилась в тёмный экран телевизора. Мысли наваливались разом, толкаясь, перебивая друг друга.

«А если с ним что-то случится? Если те люди его догонят? Если он сейчас где-то на трассе, один, и ему страшно?»

«А если он специально не звонит, чтобы я не лезла? Чтобы не втягивать меня?»

«А если я всё-таки поеду, а он разозлится? Скажет: Я же просил остаться!»

«А если не поеду — и потом всю жизнь буду думать: а вдруг я могла помочь?» Эти вопросы крутились в голове, как пластинки, застрявшие на одной и той же царапине. Алина пыталась выстроить план: сначала такси, потом адрес, потом а что потом? Она даже не знала, что скажет, когда увидит его. «Зачем ты ушёл, не попрощавшись?» или «Я с тобой, что бы ни случилось»? Или просто бросится ему на шею и расплачется? От этой неопределённости становилось только хуже. Каждая возможная фраза казалась неправильной, слишком слабой, слишком громкой, слишком детской.

Листок с адресом лежал на столе, будто ждал, что она примет решение. Алина несколько раз брала его, разворачивала, смотрела на строчки, потом снова складывала. В какой-то момент она просто уронила его на пол, будто он обжёт ей пальцы.

— Хватит, — прошептала она, скорее чтобы услышать хоть чей-то голос в этой звенящей тишине. — Хватит думать. Завтра. Всё завтра. Она легла на диван, натянула на себя плед, который ещё хранил запах дома — тёплый, привычный, почти забытый за этот бесконечный вечер. Глаза щипало от усталости и невыплаканных слёз, но плакать не хотелось. Хотелось, чтобы время остановилось хотя бы на пару часов. Мысли не унимались. Они кружили, как мошки вокруг тусклой лампочки, мелькали обрывками: лицо брата, когда он говорил «мне надо уехать», его дрожащие пальцы, когда застёгивал куртку, звук хлопнувшей двери, который теперь звучал в голове громче любого крика. Но постепенно усталость брала своё. Слова теряли смысл, фразы рассыпались, и вместо мыслей осталось только ощущение холода, который никак не уходил, и тяжесть в груди, которую невозможно было стряхнуть. Алина закрыла глаза. И провалилась в сон — тяжёлый, беспокойный, без картинок, будто кто-то просто выключил свет.

* * *

Владислав гнал по трассе, и дорога сливалась в одну сплошную серую ленту. Фары выхватывали из темноты только разметку, которая бежала вперёд, будто торопилась увести его подальше от города, от долгов, от людей, которые не привыкли ждать. Руки до белизны сжимали руль. Он то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, ожидая увидеть те самые тяжёлые фары, которые гнали его по ночным улицам. Но за спиной была только пустота и редкие огни попутных машин. Телефон лежал на пассажирском сиденье, как бомба с тикающим таймером. Влад не брал его. Боялся. Потому что знал: если ответит на один звонок, потом придётся отвечать на второй, третий, десятый. А он должен был сначала доехать. Сначала найти место, где можно будет выдохнуть. Сергей Петрович прислал координаты — точка где-то на окраине небольшого города, возле старой промзоны.

«Там тихо, — написал он. — Никто не суется. Снимешь комнату, переждёшь пару дней, пока я всё улажу».

Оболенский хотел верить, что «улажу» означало «решим проблему», а не «заставим заплатить по-другому». Но выбирать не приходилось. Когда небо начало сереть, он свернул с трассы на узкую дорогу, петлявшую между сосен. Лес стоял стеной, тёмной и равнодушной, будто ему не было дела до чужих бед. Машина ныряла в эти тёмные коридоры, фары выхватывали стволы деревьев, похожие на молчаливых стражей.

Дом оказался именно таким, как и описывал Сергей Петрович: покосившееся крыльцо, тёмные окна, заросший двор. Но главное — он стоял на отшибе, далеко от дороги, скрытый деревьями. Здесь его никто не найдёт. По крайней мере, не сразу. Влад заглушил мотор, и тишина ударила по ушам сильнее любого шума. Он посидел ещё минуту, слушая, как остывает двигатель, как где-то в лесу кричит птица, как ветер шевелит ветки. Потом вышел, вдохнул холодный утренний воздух и почувствовал, как усталость наваливается на плечи, словно мокрая куртка. Ключ повернулся в замке с трудом, будто дом не хотел пускать его внутрь. Внутри пахло пылью, сыростью и старой жизнью, которую давно никто не трогал. Пол скрипел под ногами, окна были затянуты полупрозрачной плёнкой, а в углу стояла раскладушка, накрытая серым пледом.

«Уютно, как в морге», — подумал парень, но тут же одёрнул себя. Не до уюта. Главное — безопасность. Он достал телефон. Экран загорелся, и на него тут же посыпались уведомления: пропущенные звонки, сообщения, всё от тех, от кого он бежал. Он быстро пролистал, не читая, и открыл самое важное — переписку с Алиной. Её сообщение ударило по нервам.

«Ты хотя бы скажи, что ты в порядке. Просто одно слово».

Он сел на край раскладушки, сжал телефон так, что побелели костяшки. Ему хотелось написать ей правду: «Я в аду, Алин, и не знаю, как из него выбраться». Но он не мог. Не имел права. Потому что её спокойствие сейчас было единственным, что держало его на ногах. Пальцы забегали по экрану.

«Я в порядке. Еду. Скоро всё будет хорошо. Держи телефон при себе и не думай влезать. Люблю тебя». Нажал «отправить».

И сразу почувствовал, как внутри что-то сжимается. Не от облегчения, а от тяжести этой полуправды. Он не ехал. Он прятался. И «скоро всё будет хорошо» звучало как заклинание, в которое он сам не верил. Пока телефон не успел уйти в спящий режим, Влад открыл контакты и нашёл номер Сергея Петровича. Набрал, прижал трубку к уху, слушая длинные гудки.

— Слушаю, — голос Сергея Петровича был спокойным, даже будничным, будто он только что налил себе кофе, а не решал судьбы людей.

— Я доехал, — сказал Оболенский, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не так, будто он вот-вот сорвётся. — Дом такой, как ты говорил. Тихо.

— Хорошо, — коротко ответил Сергей Петрович. — Но тишина — это не гарантия. Ты там не светись. Ни в магазинах, ни в кафе, ни тем более в соцсетях. Наличные у тебя есть?

Владислав вспомнил жалкие купюры, которые он недавно пересчитывал дрожащими руками.

— Немного.

— Этого хватит на пару дней. Я пока пытаюсь сгладить углы. Но ты должен понимать: эти люди не любят ждать. И они не любят, когда их заставляют искать. Влад сглотнул. В горле пересохло.

— А если они найдут? — В трубке повисла пауза. И в этой тишине было больше правды, чем в любых словах.

— Тогда ты должен быть готов к тому, что разговор будет не таким вежливым, как раньше.

Парень закрыл глаза. Перед внутренним взором снова встала Алина: её лицо, когда она просила взять её с собой, её руки, сжимавшие край стола, её голос, в котором слышался страх, смешанный с обидой.

— Мне нужно время, — сказал он тихо. — Хоть немного.

— Время — самый дорогой товар сейчас, — ответил Сергей Петрович без злобы, просто констатируя факт. — Я сделаю, что смогу. Но ты тоже не сиди сложа руки. Если появится хоть какой-то выход — скажи. Даже если он тебе не нравится.

Разговор закончился. Влад положил телефон на стол, посмотрел на него, будто тот мог подсказать, что делать дальше. Но телефон молчал. Он подошёл к окну, отодвинул плёнку. За стеклом медленно просыпался лес: туман стелился по земле, цеплялся за кусты, делал мир размытым, нереальным. Где-то там, в сотнях километров отсюда, Алина, кажется спала, пыталась убедить себя, что всё нормально. А он сидел в этом заброшенном доме и понимал: он не спас её отъездом. Он просто отложил неизбежное. В кармане завибрировал телефон. Влад вздрогнул, схватил его, сердце подпрыгнуло. Но это была не она. Это было сообщение от неизвестного номера. Короткое, без приветствия:

«Мы знаем, что ты уехал. Не усложняй».

Он почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Перечитал сообщение три раза, будто надеялся, что буквы сложатся в другую фразу. Но они оставались теми же. Холодными. Безжалостными. Владислав сел на раскладушку, обхватил голову руками. В комнате было холодно, но он не чувствовал этого. Всё тепло ушло туда, где осталась сестра. А здесь, в этом чужом доме, была только пустота и понимание: он загнал себя в угол. И теперь оставалось только одно — выиграть время. Хоть немного. Для неё.

* * *

Утро ворвалось в квартиру не солнечным светом, а резким писком уведомления. Алина вздрогнула, резко села, ещё не понимая, где она, что происходит, почему всё вокруг такое чужое. Плед сполз на пол, в комнате было прохладно, а на столике рядом мигал экран телефона. Одно сообщение. От Влада. Сердце подпрыгнуло, ударились о рёбра, и на секунду стало трудно дышать. Она схватила телефон, вглядываясь в буквы, будто они могли обмануть, оказаться не теми.

«Я в порядке. Еду. Скоро всё будет хорошо. Держи телефон при себе и не вздумай влезать. Люблю тебя».

Оболенская прижала телефон к груди, будто он мог согреть её изнутри. На глаза навернулись слёзы, но теперь это были не слёзы обиды. Это были слёзы облегчения — смешанные с тревогой, с непониманием, с желанием всё исправить, но хотя бы с крошечной надеждой, что он действительно справится.

Она встала, прошла на кухню, машинально поставила чайник, хотя пить не хотелось. В квартире по-прежнему было тихо, но тишина уже не давила. Теперь она была другой — не пустой, а выжидающей. Как будто дом тоже слушал, тоже надеялся, что всё обойдётся. На столе всё ещё лежал тот самый листок с адресом. Девушка посмотрела на него, потом аккуратно свернула и положила в ящик стола. Не потому, что сдалась. А потому, что поняла: сейчас её помощь — это не погоня по тёмным дорогам. Её помощь — в том, чтобы остаться здесь. Чтобы быть там, куда он сможет вернуться.

Тут внезапно, звонок в дверь прозвучал так резко, что Алина чуть не выронила кружку. Чайник только что щёлкнул, выключился, и в этой короткой тишине звонок ударил, как сигнал тревоги. Алина замерла. В голове пронеслось: «А вдруг это они? Те, из-за кого Артём сбежал? Вдруг они пришли ко мне, потому что не нашли его?» Она тихо подошла к двери, прижалась ухом к холодному металлу. За дверью слышалось тяжёлое дыхание, будто кто-то только что взбежал по лестнице, и потом — знакомое, чуть дрожащее:

— Лин, ты дома? Открой, пожалуйста! Я звонила, писала Ты вообще жива?

Ульяна.

Плечи девушки сразу опустились, напряжение схлынуло, оставив после себя только слабость в коленях. Она щёлкнула замками и распахнула дверь. Ульяна стояла на площадке, мок-

рая, взъерошенная, с зонтом, который она тут же сложила, но капли всё равно стекали с капюшона на пол. В глазах у неё была паника, смешанная с облегчением.

— Ты чего не отвечала?! — выпалила Ульяна, не дожидаясь приглашения, и шагнула внутрь, обнимая Оболенскую так крепко, что та едва могла вдохнуть. — Я уже думала, что надо полицию вызывать. Или скорую. Или вообще не знаю, что! Ты вчера молчала весь вечер, а у меня воображение такое, что я себе уже три версии придумала, и все плохие.

Ей хотелось сказать: «Прости, я просто не знала, что отвечать», но вместо этого уткнулась подруге в плечо и вдруг почувствовала, как к горлу подступает ком. И если она сейчас хоть слово скажет — разревётся. Они так и стояли в прихожей, пока дождь стучал по подоконникам, а время будто снова замедлилось. Ульяна чуть отстранилась, взглядела в лицо Алины, и её паника сменилась чем-то другим — вниманием, острым, как лезвие.

— Что-то случилось, — сказала она уже тише, без крика, но твёрдо. — Не говори «всё нормально». Я тебя сто лет знаю. Ты так молчишь только когда всё совсем не нормально.

Она кивнула, не в силах подобрать слова. Провела рукой по лицу, будто хотела стереть эту ночь, этот дождь, эту пустоту после хлопнувшей двери.

— Влад уехал, — наконец выдавила она. — Вчера. Просто взял и уехал. Не сказал толком ничего. Оставил конверт с деньгами и адресом. А потом я стояла под дождём, хотела поехать за ним, а потом не поехала. А потом он написал, что всё в порядке...

Слова лились, сбиваясь, натыкаясь друг на друга, как машины в пробке. Алина рассказывала всё: про внезапный отъезд, про погоню, про сообщение, про то, как она сидела на диване и пыталась убедить себя, что утро всё расставит по местам. Ульяна слушала, не перебивая, только иногда сжимала руку подруги, будто боялась, что если отпустит, девушка снова исчезнет в своей тишине. Когда рассказ закончился, в квартире стало тихо. Даже дождь будто сбавил напор. Ульяна вздохнула, стянула мокрую куртку, повесила её на крючок рядом с курткой Владислава. Замерла на секунду, глядя на неё.

— Значит, он не бросил тебя. Он тебя прячет. Как умеет. — Оболенская удивлённо подняла глаза.

— А ты как это поняла?

— Потому что если бы ему было всё равно, он бы просто исчез. Ни адреса, ни денег, ни сообщений. А он всё это оставил. Значит, думал о тебе каждую секунду, пока собирался.

Алина сжала пальцы в кулаки. Слова Ульяны не убрали страх, но делали его чуть легче — как будто тяжёлый рюкзак вдруг стал на килограмм меньше.

— И что мне теперь делать? — прошептала она. — Сидеть и ждать?

Ульяна подошла к столу, заметила аккуратно сложенный листок в ящике, вытащила его, посмотрела на адрес, потом подняла глаза на подругу.

— Ждать — это тоже действие. Но сидеть одной и сходить с ума — нет. Я останусь с тобой. Хоть на день, хоть на неделю. Если он сказал «не лезь», значит, лезть прямо сейчас и правда не надо. Но ты не должна быть одна, когда тебе страшно.

Девушка наконец улыбнулась — слабо, криво, но по-настоящему.

— Спасибо.

— Не за что. А теперь давай чай. И бутерброды. И ты мне расскажешь ещё что-нибудь, что не успела. А я расскажу тебе, как у меня вчера кот устроил потоп, чтобы мы хоть пять минут не думали про всё это.

Пока Ульяна гремела посудой на кухне, Алина села на стул и посмотрела на телефон. Экран был тёмным, но она знала: если брат напишет снова, она увидит. А пока пока ей не нужно было держать всё на себе. И от этого становилось чуть легче дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.